

В один прекрасный день я поняла, какому типу мужчин я нравлюсь. Это было настолько неожиданно и странно, что я долго не могла ужиться с этим представлением, а когда ужилась, пожалела, что я долгие годы не понимала или неверно интерпретировала слова, взгляды, поступки этих мужчин по отношению ко мне. Ах, вернуть бы те дни!

На том первом этапе интеграции в чужую страну, когда ничего не получается, никто нигде с распростёртыми объятиями не ждёт, твои дипломы не признаются, когда с тобой весь день вежливо разговаривают, а ты приходишь домой как грязью облитый, когда мечты о работе по профессии постепенно рассеиваются и обнажается голая, неприглядная, неуютная, отторгающая пустыня действительности, я с отчаяния позвонила, прочитав объявление в газете, на предприятие по международной оптовой торговле электрооборудованием, где искали людей, желающих обучаться специальности коммерческого ассистента. Профессия очень востребованная, практически в каждом офисе на любом предприятии сидит специалист, который занимается обработкой коммерческих дел, от получения заказа до издания счёта-инвойса. А чем занимаются в цехах предприятия, такому специалисту безразлично: обработка документации, характер телефонных звонков и на предприятии по продаже автомобильных шин, и на парфюмерном заводе одни и те же.

Как это часто бывает, этот мой шаг от основной дороги в сторону, шаг по наитию и по случайности, в общем оказался верен. В конце концов, хотя несколько позже и в другой форме обучения, я получила избранное дополнительное коммерческое образование, что сделало мою профессиональную компетенцию совершенной и завершённой. Одного владения языками, даже если ты знаешь их несколько, сегодня недостаточно. Нужно иметь представление о какой-то прикладной сфере деятельности: о политике, экономике или технике. Сегодня я работаю переводчиком в крупной международной коммерческой компании, и именно моя последняя школа дала мне возможность получить конкретное представление о том, что я перевожу: а это может быть сегодня сводка с финансовой биржи или вопрос управления активами, завтра техническое описание машин на международной выставке, а послезавтра договора об учреждении компаний и выдаче займов.

На мой тогдашний телефонный звонок я получила приглашение на собеседование. На большой вывеске перед входом значилось имя владельца компании Йозеф Вебер. К нему меня и пригласили для первого разговора. Места для профессионального обучения на предприятиях, как и рабочие места, тоже достаются не всем желающим, и здесь есть своя конкуренция и свой отбор. Мне было всё равно. Йозеф Вебер оказался крупным, хорошо сбитым, седовласым улыбчивым мужчиной лет 60-ти, который меня очень любезно принял и за чашечкой кофе расспросил о моей жизненной истории и моих планах. Заметил, что побывать в Санкт-Петербурге всегда было его мечтой. Хотя я его ни о чём не спрашивала, никогда не решилась бы спрашивать, он рассказал о своём пути к большому бизнесу, рассказал о жене, которая всегда защищала его «тылы», была его вдохновением и опорой, о старшем сыне, который постепенно готовится вступить в его дело, о том, в какую книгу он сейчас погружён, о том, что он в редкие часы после работы любит копаться в своём огороде.

Я явно не подходила ему в подмастерья. Для этого мне нужно было по меньшей мере стать зелёным юнцом и избавиться от моего уже полученного образования и жизненного опыта. Он это понимал и даже предвосхитил, что я наверняка сама уйду, как только начнутся теоретические занятия в школе вместе с другими учениками. Ясно, что я ему была невыгодна, ведь если я уйду, опять придётся кого-то искать, втягивать в работу, мороки много и денежных затрат. Но он меня взял.

Его облик меня покорила. Удивительно доброе лицо, складность речи, обаяние, что-то, что вкладывается в неисчерпаемое понятие харизмы, уважительное и слегка покровительственное отношение к персоналу, юмор, лёгкость ведения дел, несмотря на груз ответственности за людей и за свои завоёванные позиции на рынке. Это был трудяга, ставший миллионером, капиталист, так сказать, с человеческим лицом. Когда я в 8 часов утра приезжала на работу-учёбу, он уже сидел в своём кабинете за стеклянной дверью, в свежей белой рубашке, подтянутый, сосредоточенный и доброжелательный. Господин, вышедший из романов Фицджеральда.

В то время, когда другие ученики были посланы в складские помещения, работать со списками заказов, знакомиться с товаром, меня водили по отделам и офисам на верхних этажах и оставляли там на недельку-другую. Мне было позволено заглядывать в святая святых – бухгалтерские книги и отчёты, меня познакомили с современными компьютерными программами по обработке текстов, таблиц, по ведению бухучёта. Меня привлекли ко встречам с крупными заказчиками и поставщиками, где я даже однажды очень кстати выступила как переводчица. Я окунулась в архивы и подучилась там настоящему немецкому порядку. Пожилая сотрудница архива нашептала мне, что шеф ещё никогда так «не возился» с учениками, как со мной. До этого я не знала, что моя программа обучения очень индивидуальна и осуществляется по воле шефа.

Приближение к реальной жизни большого бизнеса пошло мне на пользу. Я спустилась с облаков литературоведения и языкознания, стала более практичной и понимающей, у меня выработалась более уверенная манера общения с людьми.

Моя особая позиция в фирме не осталась незамеченной среди персонала, особенно среди молодых людей, которые прошли другой путь профессиональной закалки. Кроме того, они не знали, «с чем меня едят», не способны были понять, кто я такая, русская в Германии в начале 90-х годов, я была для них инопланетянка. За столом во время обеда со мной никто не разговаривал. Меня, кроме шефа, никто никогда не спросил, откуда я, чем я раньше занималась, никто не поинтересовался городом или страной, где я выросла. Помню, как меня оскорбила любезность одной дамы в приёмной, которая похвалила меня за исключительно быструю и правильную сортировку карточек заказчиков по алфавиту.

В воспоминаниях некоторых русских, пробывавших свой путь за границей, в том числе знаменитых русских, часто читаю, что на этом проклятом первом этапе многим пришлось покататься на машинах-развалюхах, а мечты о роллс-ройсах приходилось с грустью мечтать дальше. Смешно, но именно так было и у меня. Никогда я так часто не стояла посреди дороги в облаках выхлопных газов возле моей пыхтевшей машины, не создавала пробок в самое неуместное время дня, не краснела перед объезжающими меня и гудящими водителями, не перезнакомилась со всеми шоферами тягачей и с местными представителями дорожной инспекции, как в то время. Общественный транспорт в сельской местности, где мы живём, считайте, не ходит. А если ходит, то не туда, куда мне надо, и не в то время. Без машины никуда.

Одним зимним утром мой маленький жёлтый Форд окончательно отдал концы, а я, бросив его где-то на обочине, думала только об одном: как бы мне вовремя добраться до работы. Господин Вебер всегда меня лично приветствовал по утрам. На перекладных, вспотевшая и запыхавшаяся, я домчалась с выпученными глазами до пункта назначения. От внимания господина Вебера не ушло, что я не в себе. В конце рабочего дня он передал мне через своего секретаря ключ от одной из машин своего автотранспортного парка – на сколько надо, пока у меня не решится автомобильный вопрос. Снял эту транспортную единицу со своих маршрутов доставок. Я была начинающим, неопытным водителем и была ему безумно благодарна за доверие и за этот человеческий жест, к которому он не был обязан. Персонал с того дня уже и вовсе перестал в мою сторону глядеть. На заправке я должна была предъявить персональную карточку шефа для расчётов. На меня посмотрели с уважением, и кажется, даже с подобострастием.

Господин Вебер верно предсказал, что как только мне придётся сидеть на школьной скамье вместе с несмышлёнышами, я уйду. Но вкус к делу я к этому времени уже получила и поэтому продолжила и закончила образование в другом учреждении. Йозефа Вебера вспоминаю часто, надо будет ему написать или позвонить. Если он живёт и здоров, он не оставил работу. Не такой человек.

Между нами лежало 30 лет. И взаимная симпатия была чисто человеческой.

Десять лет спустя – у меня уже была нормальная машина и работала я признанным государственным переводчиком в области экономики и юрисдикции – мне довелось встретиться и связаться, исключительно профессионально, ещё с одним представителем сильного пола за 60.

Работая в своём домашнем офисе, я ответила однажды на звонок дамы, которая искала для своего шефа-юриста из Люксембурга переводчика для встречи с русскими клиентами, бизнесменами. Я дала своё согласие и сообщила о цене моих услуг. Дама пообещала перезвонить. Перезвонил мне Он сам. Вы когда-нибудь ловили себя на мысли, что Вас завораживает голос, хоть Вы своего собеседника ещё не видели? Так вот, у юриста Вольфганга Мёгеле был потрясающий низкий бархатный голос. Он шуточно поинтересовался, стою ли я запрошенных денег. Должна сказать, что вокруг меня работает масса переводчиков, или мнимых переводчиков, за 2,99 в час. У меня цены нормальные рыночные, и несмотря на то, что многие клиенты уходят по этой причине к тем, кто работает за 2,99, я никогда цен не снижала. В конце концов, мой путь к этой работе стоил не только затрат времени, но и денег. Господин Мёгеле, как выяснилось впоследствии, уже достаточно часто обращался к переводчикам русского языка, и всегда обжигался. Наша договорённость состоялась, мы назначили время встречи.

Этот заказ был для меня новым витком в карьере. Работа с юристами в Германии для меня уже стала рутинной, я очень хотела открыть для себя рынок в соседней стране Люксембурге, которая считается не только налоговым раем, но и в общем славится своим высоким уровнем жизни, высокими зарплатами и гонорарами. Кроме того, я работала до сих пор с юристами в области уголовного, гражданского и трудового права. А в Люксембурге открывалась возможность работать, соприкасаясь с областью финансового и корпоративного бизнеса. Утрируя, скажу, что я радовалась возможности переводить не переписку заключённых, а умные разговоры образованных людей.

Меня встретила секретарь и проводила в комнату переговоров. По пути я бросила взгляд в офис, где кто-то разговаривал по телефону, дверь была открыта. Голос я ещё

из прихожей узнала, это был Мёгеле. На мгновение наши глаза в дверном проёме встретились и задержались друг на друге. Когда он зашёл в переговорную, мы уже были друг другу близки, как будто познакомились ещё на первом курсе института. Он заполнил своей аурой всё помещение, он излучал тепло, энергию, в нём была – не боюсь сравнения – русская широта, он улыбался мне навстречу, хотя мы ещё не подали друг другу руки и встреча наша была чисто официальной. Мы поговорили о том–о сём. Он заметил мой взгляд, пробегающий по картинам на стенах переговорной, объяснил, что он в своё время спас их от гибели и забытости из подвалов Эрмитажа. Прошли переговоры, русские гости уехали. Он меня задержал и предложил работать у него постоянно, с полномочиями ассистента. Вы знаете, что предложение работать иногда бывает сродни брачному предложению? Так оно прозвучало для меня. У меня был ветер в голове, я была счастлива одному – получить постоянную работу в Люксембурге. У него был свой резон, у меня свой. Я отписала без малейшей задержки во все суды и всем адвокатам, рабочие контакты с которыми я выстраивала в течение многих лет, что я не стою больше в их распоряжении. Мёгеле уволил немедленно, не знаю, на каких основаниях, своего секретаря.

Жил и работал он везде и нигде. Его более ли менее постоянным местом жительства была Французская Ривьера, где он был хозяином оливковых плантаций, виноградников и прилегающей к ним виллы, на участке у него паслись овцы, время от времени он выезжал на лошадях. Неподдалёку стояла в порту его яхта. На ней развлекались в основном его взрослые дети, потому что он дьявольски много работал. Работал он, кроме своего дома во Франции, также в своих офисах в Берлине, в Москве и в Люксембурге. Везде у него был персонал и были квартиры.

Он посадил меня в первый день моей работы в Люксембурге за пустой рабочий стол и уехал. От нечего делать я позвонила своим коллегам в Берлин и поинтересовалась, не мог бы кто-нибудь ввести меня в курс дела. Мне великодушно объяснили, что наш шеф, начиная с середины 80-х годов, предлагает в России обеспеченным людям, ведущим свой бизнес, услуги по управлению компаний в Люксембурге. О сути бизнеса я подробнее рассказываю в главе «Рецепт успеха». Поскольку в России в конце 80х – начале 90х было абсолютное безвременье, старое было снесено, новое ещё не создано, иностранцев с их бизнесом в Россию калачом было не заманить. Мёгеле заработал основную долю своего капитала в первые 5 лет, когда он был в России смелым одиночкой. Теперь-то в России пруд пруди таких предпринимателей с аналогичными услугами. Если учесть, что он – немецкий юрист и что и в Люксембурге ему нужно было утвердиться, как только он почувствовал там золотую жилу, можно себе представить, какая это головолица. Скоро его бизнес обрёл форму, он открыл своё представительство в Москве, офис в Люксембурге, а потом для удобства и офис в Берлине, где по сути идёт основная часть работы. Сегодня в этом нет никаких проблем – управлять компанией с юридическим адресом в Люксембурге из Берлина. Вы даже по номеру телефона, отсвечивающемуся на вашем дисплее, не узнаете, что делопроизводитель сидит в Берлине, а не в Люксембурге. И телефон переключается, а адрес электронной почты можно и подавно иметь в какой угодно стране.

В России Мёгеле уже давно приобрёл имя. Ему дали звание почётного адвоката России, если я не ошибаюсь, первому, если не единственному иностранцу. Он выступал и выступает – где бы Вы думали? в налоговом министерстве! – с докладами. Клиенты из России его очень любят, говорят, что он понимает русский менталитет. Забегая вперёд, скажу, что я с некоторого времени стала по его реакции подозревать, что он и русский язык уже понимал. Но никогда в этом не признавался.

Суть работы у него в конторе заключалась в ведении дел люксембургских компаний с акционерами - российскими предпринимателями, и всего, что с этим связано.

Я пришла в ужас. Мне стало с прозрачной ясностью очевидно, что я профессионально непригодна для этой работы. Я была для этой позиции не тот кадр. Господину Мёгеле нужен был, по сути, хороший юрист в области корпоративного права, говорящий на нескольких языках. И в первую очередь на французском. Французский в Люксембурге – язык официального общения, а немецкий так, впридачу. На границе с Германией все люксембуржцы говорят по-немецки, а в центре страны, в столичном городе Люксембурге это вовсе не обязательно.

Но мой шеф как будто не замечал моей профессиональной непригодности. Когда он раз в месяц заезжал в Люксембург, он садился по другую сторону моего письменного стола, отодвигал экран компьютера и смотрел на меня. Каждый раз, когда он прилетал напрямую из Франции, он привозил мне французское вино с именем его *château* на этикетке или бутылку оливкового масла. Насмотревшись на меня и немножко поговорив со мной, он счастливый уезжал.

Ему было трудно приблизиться ко мне. Он был мой шеф.

Мне становилось скучно. От скуки я стала брать книги с полок и читать. Это были книги, автором или соавтором которых был сам Мёгеле. Так я основательно проштудировала налоговые особенности люксембургских холдинговых компаний, сопарфи, с ограниченной ответственностью, открытых и закрытых, поняла структуру управления, права и обязанности акционеров в компании, мне открылись тайны финансирования проектов, смысл договоров страхования. Как ударенная яблоком в темя, я вскрикивала: «А! Вот что значат трасты и фонды, дотации и субсидии!» Когда книги кончились, я стала брать для чтения папки. В папках хранились документы отдельных компаний, от решений об их учреждении до последних протоколов собраний акционеров. Так я втянулась в его работу, через пару месяцев я знала уже всех его клиентов и была в курсе конкретных текущих проектов каждого.

Коллеги из Берлина мне стали чаще звонить, сначала просили скопировать тот или иной документ, потом стали переключать на меня телефонные звонки российских клиентов, потом стали советоваться по деловым вопросам.

Мы, во всех трёх его офисах, имели роскошь работать большую часть времени самостоятельно, без шефа за спиной. Характер у него был трудный, вспыльчивый. Он был человек очень сильной воли, выносливый и необыкновенно трудоспособный. Несмотря на удалённость, он держал нас всех в ежовых рукавицах. Вместо того, чтобы сладко спать в своём раю на Ривьере, он ежедневно с боем часов в 8 часов утра звонил нам во все три офиса, интересовался новостями, обсуждал планы на начавшийся рабочий день. Уже в этот ранний час из него били ключом идеи, он никогда не записывал и никогда не забывал, что ему было сказано неделю или месяц назад. Нам, его сотрудницам, было ясно, что своими утренними звонками он и проверял, все ли появились вовремя на работе и все ли в строю. До города Люксембург мне ехать по пустым дорогам час, а в часы-пик минимум полтора часа. Мой сын – тогда во втором классе – стягивался мною с кровати раньше времени, чтобы мне можно было покинуть дом в 6:30 утра, выставлялся с тяжеленным ранцем за 20 минут до приезда школьного автобуса на автобусную остановку в кромешную осенне-зимнюю темноту, а я улетала. Когда я в 8 часов утра влетала в офис, я выглядела примерно так, как Аркадий Райкин в том скетче, где он предстаёт перед своим секретарём в пижаме, нечесанный, небритый, зато вовремя. После утреннего звонка Мёгеле следовала сначала успокоительная чашка

кофе. Я работала в люксембургском офисе большей частью одна и обеденного перерыва делать практически не могла. Шеф, естественно, кушать, уезжать в отпуск, соблюдать конец рабочего дня не запрещал, но всегда говорил: «Всё делайте так, чтобы дело не стояло». Не раз приходилось выплёвывать в корзину разжёванный бутерброд, когда звонил телефон... Мы, его помощницы во всех его офисах, как заговорщицы, всегда передавали друг другу информацию о том, каким самолётом он летит. Во время его перелётов, пользуясь двухчасовой паузой, когда у него был в самолёте отключён телефон, мы убегали по очереди в магазин, за детьми, на почту, в аптеку и переключали телефон друг на друга. Но бывало и такое, что вылет задерживали, тогда он обязательно из зала ожидания нам звонил, ну и обнаруживал наше увливание, конечно, не без последствий.

Как я уже сказала, в силу его тяжёлого характера работать с ним было непросто. После окочания работы у него я несколько лет не могла зайти в прежде любимый мной швейцарский бутик под тем же именем. Но теперь это прошло и ушло. Как ни странно, значимость его личности, потрясающий ум и размах его деятельности остались в памяти дольше, чем связанные с ним переживания.

Через год работы у Мёгеле я была сформированным, квалифицированным ассистентом шефа в области корпоративного права. Без меня уже трудно было обойтись. Так, по крайней мере, казалось мне.

Моя глухота к его попыткам сближения, к сожалению, положила в самый звёздный час нашего сотрудничества конец моей трудовой деятельности в его офисе. Прошёл год, год моего созревания как его правой руки по работе, и год умирания его надежды на большее. Его тоску излечила другая женщина, ещё моложе меня, которую шеф нашёл через интернет и в которую влюбился. Она не смогла терпеть моего присутствия в его окружении. Как будто почувствовала, что мужчина, платящий из своего кармана деньги на персонал, выбирает своих людей не только по профессиональным качествам.

Мне пришлось уйти, но карьерный скачок к этому времени уже состоялся. Обогащённая новым опытом и новыми знаниями, я без труда нашла работу в другой Люксембургской компании.

Я храню одну из подаренных господином Мёгеле бутылок оливкового масла с его плантаций во Франции и очень ею дорожу, хотя в бутылке уже виден осадок: масло, похоже, прогоркло. Но я этого не вижу, а вижу только солнце Вольфганга Мёгеле, сконцентрированное в этой густой янтарной жидкости.

Нас разделяли 20 лет, и в наших отношениях проступал изредка лёгкий оттенок флирта.

Прошло ещё 5 лет.

Работа в новой Люксембургской фирме имела примерно тот же характер, что и у прежнего работодателя, но была дополнительно связана с поездками в Австрию, Швейцарию, Лихтенштейн. Инвесторы, которых я курировала в Люксембурге, желали моего сопровождения как переводчика и посвящённого в их дела референта и по другим финансово-инвестиционным делам в Европе. Мы останавливались в лучших гостиницах Европейских городов. Пустячок, а приятно. В Цюрихе, столице Международной Футбольной Ассоциации, можно было увидеть в гостинице Марадонну, Пеле, Франца Бекенбауера, Феликса Магат. С моими деловыми партнёрами мы позволили себе однажды после окончания долгих и сложных переговоров познакомиться с ночной жизнью Цюриха, оттанцевали ночь на дискотеке.

Отделившись от темноты зала, меня пригласил на танец седовласый обаятельный мужчина, завязался разговор. Он признался, что заметил меня ещё в гостинице и следовал за нами. Узнав, что он – швейцарец, я пошутила, что знаю я их, ненадёжных швейцарских банкиров. Тогда ещё гремели газетные шокирующие новости о выдаче банковскими сотрудниками информации о клиентах и их банковских счетах, об утечке конфиденциальной информации из крупных швейцарских банков. Франк успокоил меня, сказав, что он не банкир, а только пользуется услугами швейцарских банков.

Понимая, что мужики – все как один – включают вначале одно и то же средство покорения женщины, а именно говорить с ней о том, что ей может быть интересно, я должна была бы его следующие слова проигнорировать. Но не смогла. В конце концов, не все мужчины в состоянии говорить о том, что мне интересно. Перебирая в разговоре имена русских классиков, Он сопровождал их комментариями о своём восприятии их книг. Объяснил, почему Гоголь Ему не нравится, а рассказы Чехова читает с удовольствием. Уже попавшись на его крючок, я продолжила тему русской литературы и искусства. Дискотека опустела, а мы всё говорили за барной стойкой об искусстве. Потом попрощались, поблагодарили друг друга за приятный вечер. Члены моей компании уже давно исчезли из дискотеки и провели, скорее всего, веселее или чувственнее, чем я, остаток ночи. Спать я не могла, вышла к завтраку с переворошенной душой и с отпечатком грусти и усталости на лице. И сразу увидела Его за столиком у окна. Он сидел ко мне спиной, его вьющиеся седые волосы образовали от утреннего света низко стоящего солнца яркий венец вокруг крупной головы. Я загадала, что если он закончит завтрак раньше меня и уйдёт, я его не окликну. А если я со своими коллегами буду готова раньше, то подсяду к нему с чашечкой кофе. Он читал газету и не торопился. Я под села к нему, он был искренне рад. Мы проговорили, скорее всего, минут десять, а я ощутила их как провал в вечность. На прощание мы обменялись визитными карточками. Я пробыла в Цюрихе ещё день, принимающая сторона переговоров познакомила нас поближе с городом и окрестностями, но как только я появлялась в гостинице, я повсюду наталкивалась на Него. Мы сталкивались в лифте, выходили одновременно к такси, неожиданно стояли друг против друга в фитнес-центре. Это было как наваждение.

На следующий день, когда я была уже дома, он прислал мне очень тёплое сообщение на мобильник. Я ответила ему по электронной почте. Началась наша удивительная, духовная и, насколько это возможно вдали друг от друга, чувственная переписка. Я никогда не испытывала такого интенсивного общения с человеком, как в те шесть недель переписки с Франком. Кроме откровенности и нежности, которые я узнала в это время, было ещё наслаждение высокой словесностью, которую дарили его письма.

У литературы, кроме её прелести самой по себе, есть замечательное утилитарное свойство: говоря о каком-то романе с собеседником или даже только ссылаясь на него, можно так много и так точно сказать о своих чувствах, не называя их! Предпосылкой, конечно, является владение твоим собеседником тем же литературным багажом. Он мне цитировал сцену из «Анны Карениной», я ему – из «Чтеца» Б. Шлинка, Он делился своими впечатлениями о Герте Мюллер, я – о Дине Рубиной.

Я купила записи Рахманинова и Скрябина. Потому что Он слушал в то время эту музыку.

Я ходила на концерт Евгения Кисина в филармонии Люксембурга. Потому что пианист два дня до этого выступал в Цюрихе, и Франк был в зале.

Франк писал, что, кажется, немного понимает загадку русской души: это детская способность без видимых переходов и со всей искренностью чувства сейчас веселиться, а в следующую секунду горевать. Как швейцарец, он стоял на некоторой дистанции от немцев и поэтому мог понять и разделить мои, отчасти иронические или критические, наблюдения о Германии и немцах.

Через шесть недель предстояла моя следующая рабочая поездка в Цюрих. Мы с Франком договорились пообедать вместе. За несколько часов до моего отлёта он написал, что нам лучше не встречаться. Мне было очень больно.

Я дочитывала книги, на которые он ссылался в переписке. Закончив чтение рассказов, о которых мы дискутировали, я перешла к пьесам Чехова, как будто это могло продлить нашу связь. В «Дяде Ване» натолкнулась на выражение «калачом не заманишь», и сразу вспомнила, что в первой части этого моего очерка я написала «пряником не затянешь» - не по-русски, исправила.

Франк, не напрямую, а в обход, окольным, подтолкнул меня к возвращению. Тогда мне стало ясно, что это моё возвращение – это не побег от одной нации к другой, и не возвращение географического порядка. Это было возвращение к моей сути, к моим истокам, к моей истинной натуре, к моей речи, к моему образу мыслей и чувств, к себе самой. Франк оценил во мне то, что почти никто многие годы не замечал. И, окрылённая им, я стала снова ценить себя, не пытаюсь себя переделывать. Я перестала ходить в прокуренные бистро, даже если мне приходилось навлечь чью-то обиду из-за отказа поддержать компанию. Я больше не стеснялась классической музыки, которую я слушала в машине, даже если со мной кто-то ехал. Я не делала больше вид, что меня увлекает Кёльнский карнавал и что мне нравятся мюзиклы. Я бросила ходить вместе с соседками с лыжными палками по округе, потому что Nordic walking, если быть откровенной, я никогда всерьёз за спорт не считала. Такое нежелание «интегрироваться» грозит непониманием со стороны окружающих, но поскольку ты знаешь, что ты скоро примкнёшь к своему берегу, тебе уже временное отсутствие земли под ногами, удаление чужого берега не так страшно.

Перечитывая последние страницы когда-то названного Им в разговоре «Войны и мира», я вспомнила дискуссию с моими учениками много лет тому назад, почему Лев Толстой сделал очаровательную Наташу «самкой» в конце книги. Закономерность характера, которая даже создателя иногда удивляла. Ничего не поделаешь. Иначе образ бы распался, был бы нелогичен.

И Франк оказался образом единым. Иначе быть не могло. Кроме всех его достоинств, он обладал ещё и почти старомодной дворянской порядочностью. Он сказал в последнем письме, что наша духовная близость обязательно будет искать продолжения. А он не хочет разрушать мою семью.

Какую семью? Ах да, у меня семья.

...

Автор: Лада Рёлль
Июль 2011